

Моргана Хэй

Пустой трон

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Моргана Хэй

Пустой трон

«Автор»

2026

Хэй М.

Пустой трон / М. Хэй — «Автор», 2026

Конец света уже наступил. Давным-давно Старшие Боги сразились с Железными Богами, и с их гибелью на землю спустилась чёрная зима. Люди вынуждены жить в уцелевших городах-оплотах — только их сила пока что способна сдерживать ужасы чёрной зимы. В далёких пустошах Диких Земель живут последние в этом мире драконы. Чтобы разгадать тайну вырождения своего племени, два юных дракона покидают старика-отца и отправляются в странствия. В то время далеко на востоке в Золотом Городе умирает король Эдмунд. После его смерти Совет соберётся, чтобы выбрать нового короля — и у старых кланов уже есть кандидат, который всех устраивает. Но незадолго до праздника происходит трагедия, которая поначалу кажется случайной. Именно она становится первой ниточкой к заговору, последствия которого окажутся куда страшнее одной смерти. Тем временем сам Золотой Город тоже начинает умирать. И человек, способный его спасти, меньше всего хочет короны. Но очень скоро ему придётся поступиться собственным милосердием.

© Хэй М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Вступление	5
Пролог	6
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Моргана Хэй

Пустой трон

Вступление

Пустой трон

Конец света уже наступил. Давным-давно Старшие Боги сразились с Железными Богами, и с их гибелью на землю спустилась чёрная зима. Люди вынуждены жить в уцелевших городах-оплотах — только их сила пока что способна сдерживать ужасы чёрной зимы.

В далёких пустошах Диких Земель живут последние в этом мире драконы. Когда-то они властвовали над землей, но теперь их род угасает. Чтобы разгадать тайну вырождения своего племени, два юных дракона покидают старика-отца и отправляются в странствия.

В то время далеко на востоке в Золотом Городе умирает король Эдмунд. После его смерти Совет старейшин соберётся, чтобы выбрать нового короля — и у старых кланов уже есть кандидат, который всех устраивает. Но незадолго до праздника происходит трагедия, которая поначалу кажется случайной. Именно она становится первой ниточкой к заговору, последствия которого окажутся куда страшнее одной смерти.

Тем временем сам Золотой Город тоже начинает умирать. И человек, способный его спасти, меньше всего хочет короны. Но очень скоро ему придётся поступиться собственным милосердием.

Пролог

Белая Пророчица

382 год от высадки Королевы-Морячки

Издали огнелес напоминал собой пылающий гриб. Покатая крона великого огнедрева образовывала алую шляпку. Младшие деревья притаились в её тени — бурые, оранжевые, мутно-зелёные и даже бордовые — их всполохи темнели по сравнению с деревом-прародителем.

Шадра ударилась о поверхность с такой скоростью, что землю сотрясла волна. Эта волна докатилась до горевшего над расщелиной огнелеса. Гигантский гриб загудел, кроны младших деревьев задрожали — огнелес заискрился, рассыпая на землю самые слабые свои плоды. Их все пожрут голодные иглоклыки.

Но это будет позже, много позже. До тех пор, пока не угаснет последнее эхо её крика, ни одна тварь не посмеет высунуть носа из укрытия.

Шадра глядела на огнелес немигающими змеиными глазами. Когда она осознала, что падает, ей удалось сгруппироваться. Она скорчилась в комок как нерождённый детёныш и усилии воли напрягла каждую мышцу, которую могла ощутить. Каменная кожа и грудa мышц должны были стать её панцирем при ударе. Но тело её — длинное, тяжёлое, одряхлевшее за последнюю сотню лет — уже не служило с прежней верностью. Теперь она ощущала такую боль, которая в юности могла бы показаться ей пустячной. Сегодня эта боль пригвоздила её к земле.

Шадра не шевелилась. Ей нужно было прийти в себя после удара. Голова её гудела громче потревоженных огнедрев. Краем глаза она видела в нескольких шагах от себя ошмётки того, что осталось от ночного певца. Она выронила его из лап в тот момент, когда крылья отказали ей.

Голова несчастного четырёхрукого существа размозжилась о камни, алое и серое месиво смешались воедино. Ночной певец не умер, когда она подхватила его с земли. Она помнила, как её когти пронзили серую кожу, и он верещал, зажимая свободными руками вывалившиеся наружу бледно-розовые внутренности. Но он был жив там, на высоте, когда они оба начали падать.

Так они и лежали: ночной певец с разметающимися по сторонам лентами блестящих кишечков, и она — белый неуклюжий ящер с отказавшими крыльями.

Наконец гудение в голове стало стихать и Шадра попыталась шевельнуть правым предплечьем. Левое упиралось в землю и каждые несколько мгновений пронзало тело острой болью. Боль текла из основания её крыла к самому стволу позвоночника.

Шадра услышала, как шелестит её правое крыло, а затем — снова подлая боль слева как удар ножом. Нужно было перетерпеть и подняться. Из ноздрей Шадры пошёл дым, но, как она ни старалась, ей не удалось пошевелить крылом.

Воздух снова наполнился шелестом кожистых крыльев — но это была уже не она. Ингрод услышал её рёв и летел на помощь. Он с шумом приземлился возле неё, оперевшись ногами в камни с растёкшимися мозгами мертвеца. Кусок черепа мягко хрустнул под его когтями, выдавив серую жижу.

Из ноздрей Ингрода тоже шёл дым — от гнева.

— *Ты сможешь подняться?*

— *Посмотри.* — Шадра не чувствовала своих крыльев. Только пронзаемые болью предплечья.

Он неуклюже обполз её кругом — со сложенными крыльями он был огромной бурокрасной ящерицей с каменной кожей и гривой вокруг шеи. Гигантской мордой он толкнулся несколько раз в её спину. Она ощущала лишь сплошное жжение от каждого его толчка.

— *Твоё левое крыло тебя не поднимет. Не сейчас.*

— *Что с ним?*

— *Не сейчас. Сегодня оно не поднимет тебя.*

— *Покажи мне!*

Шадра силой вторглась в его сознание — Ингрод никогда не держал против неё барьеров. Сейчас он не желал открывать ей правду — но и не был готов к её ярости. А после вторжения не стал сопротивляться — не посмел бы причинять ей новую боль.

Тело Шадры ломило от тысячи острых молотков, одновременно ударявших её от кончика носа до хвоста. Пылая болью и яростью, она разглядывала кровавую картину, которая предстала перед взором Ингрода. И ярость её медленно перетекала в отчаяние.

— *Сегодня оно тебя не поднимет,* — повторил Ингрод. — *Но я останусь здесь до тех пор, пока ты не сможешь добраться домой.*

Ингрод говорил «сегодня». Но Шадра знала, что разорванное и сломанное крыло больше не срастётся. Не сегодня и не завтра. Никогда. Оно не срослось бы даже в те годы, когда Шадра только вышла из материнского яйца и всякая царапина заживала на ней сама по себе в течении пары часов. И в дни расцвета её сил, когда сёстры и тётки склонили перед ней свои головы, признав Белой Пророчицей, когда она возглавляла их стаю и исцеляла раны родни, — даже тогда бы ей не удалось собрать это крыло воедино.

Оно не срастётся и теперь, когда она стала древней старухой. А правое крыло не удержит её в воздухе. Ингрод говорил «сегодня» лишь потому, что любил её. Он хотел уверить её, что она выживет.

— *Это крыло уже больше не поднимет меня. А правого мне не хватит.* — Шадра зашевелилась, пытаясь повернуться так, чтобы перенести вес на задние лапы, а брюхо оказалось точно над землёй.

— *Не шевелись!* — зарычал Ингрод, но Шадра не послушала его.

— *Помоги мне встать,* — велела она. — *Я должна встать на землю и ползти в пещеру как ящерица.*

Ингрод недоумённо смотрел на неё тёмно-янтарными глазами. Веки левого глаза его пересекал старый шрам, успевший побледнеть и сморщиться от времени. Бледный как слеза.

— *Оставайся на месте, пока не уйдёт боль. Я принесу тебе добычу. Твои раны исцелятся.*

— *Если я останусь здесь, я умру.*

— *Никто не посмеет приблизиться к дракону.* — Из ноздрей Ингрода пыхнуло жаром. Ингрод не был белым как она, но ему чудом достался дар укрощения огня. Достаточно было взгляда Ингрода, чтобы посмевающий показаться на глаза дракону превратился в обугленный труп.

Шадра перевела взгляд в сторону огнелеса. Огромный пылающий гриб переливался тёмными огнями на сумрачном склоне. В самом сердце огнелеса, в корнях великого древа ждала пещера. Их дом с десятками каменных тоннелей. А в доме их ждали дети.

Ингроду не достанет силы тащить её. Он мельче неё. Пока она доберётся до пещеры, пройдут долгие часы. К утру её тело оставит за собой кровавую дорожку, к которой в течение суток соберутся все падальщики Дымной Расщелины. Дракон умирает! Они поверят, что жить теперь станет легче. Голодные и торжествующие, они будут слизывать с камней её высохшую чёрную кровь, а потом внутренние органы их растворятся от кислоты. Они будут умирать несколько суток, раздирая когтями горло и пытаясь изрыгнуть горячие внутренности. Даже мёртвый дракон способен убивать. Ингрод славно попирует их тушами. Некоторых он навер-

няка начнёт есть заживо, ведь верещащая от боли жертва всегда приятнее на вкус, чем остывший труп.

— *Я умру здесь*, — тупо повторила она. — *Переверни меня или я сделаю это сама и истеку кровью. Я должна вернуться в пещеру.*

У входа в пещеру Шадра отослала Ингрода прочь. Он прервал охоту и до самого рассвета кружил возле неё, пока она ползла по камням вверх по склону. Она чувала его гнев — ярость дракона накаляла воздух жарче испарений в огнелесу. Каждый раз, когда камень впивался ей в кожу, когда неловкое движение становилось причиной нового всплеска боли в её теле, — Ингрод гневался пуще прежнего. Он выжег всю тропу на её пути, превратил в пепел каждый поваленный ствол, чтобы ей было легче ползти вперёд. Мысль «нужно было остаться» висела между ними все долгие часы до рассвета.

— *Теперь я дома. Ступай дальше охотиться.*

Ингрод глядел на неё янтарными глазами, пытаясь угадать её намерения. Ей пришлось приложить все силы, чтобы скрыть от него свои мысли. К утру она совсем обессилела. А ей ещё нужно было вползти внутрь. Как-нибудь.

И ей нужно было избавиться от Ингрода.

— *У меня их нет*, — выдохнула Шадра. — *Никаких намерений. Я лягу внутри и буду отдыхать. Как ты и желал. Я буду ждать от тебя добычи, чтобы набраться сил. Затем я попробую залечить себя.*

— *И ты не выйдешь отсюда?*

Выходить наружу она точно не собиралась. Уже, наверное, никогда. Шадра позволила себе немного раскрыть свой разум — чтобы Ингрод поверил ей и наконец убрался прочь.

Из последних сил она слепила в своём сознании образ самой же себя, лежащей в пещере. Уже несколько часов ей и впрямь хотелось просто лечь, закрыть глаза и не шевелиться. Она даже знала, как смогла бы спрятаться от боли. Ингрод тоже это знал.

— *И ты не уйдёшь в камни?*

Он боялся, что позволив своему сознанию окунуться в воспоминания, врезанные в каменные плиты их пещеры, она не захочет возвращаться в горящее от боли тело.

Он любил её, дурак. Эгоистично любил. И поэтому не давал ей умирать.

— *Ты знаешь, что я никогда не уйду в каменные воспоминания.* — Она собралась с духом. — *Ступай и принеси мне ещё парочку ночных певцов. Мне нужно много есть, если уж придётся дальше жить.*

Глядя, как его силуэт исчезает на фоне розовеющего неба, Шадра думала про себя — поверил ли он ей или наконец смирился? Быть может, если бы он смирился несколько веков назад, когда она ещё достаточно могучей, в этом логове теперь бы подрастало больше дюжины молодых драконов.

Шадра была последней Белой Пророчицей. Она видела, как умирали друг за другом все её родичи. Она наблюдала, как её сёстры приносили себя в жертву, надеясь пробудить этим спящие драконьи яйца. Они вызывались сами и никогда не просили об этом её. Последняя в мире Белая Пророчица должна жить. Кто ещё направит молодняк как не она? Шадра помнила, с какой надеждой и радостью шли на смерть её сёстры. Каждая из них была уверена, что именно её жертва разбудит их детей.

Живи, — говорили ей сёстры. — *Живи и научи жить наших детей.*

И всё было напрасным — они не были белыми и каждый раз их жертвы было недостаточно. Шадра сама снесла несколько кладок и надеялась, что яйца, снесённые ею, отличаются от других. Ей думалось, что её дети пробудятся сами.

На самом деле она просто боялась смерти.

Ингрод, избранный ею в супруги уже после Железного Рока, поддерживал её в этих мыслях. Так они и старели вдвоём, хороня свою стаю одного за другим.

Легко было валить вину на эгоизм Ингрода, когда она сама всякий раз с лёгкостью соглашалась с его доводами. Она потеряла почти всех, кого любила, и она по-прежнему боялась уйти за ними во тьму.

Но теперь, когда её крыльям больше не суждено поднять её в небо, она обречена жить во мраке их логова.

И она знала, что без неба и крыльев её судьба незавидна — рано или поздно она поддастся отчаянию и похоронит рассудок в каменных воспоминаниях. Ингрод приложит все усилия — но никому ещё не удавалось вернуть обратно того, кто потерялся в камне. Рано или поздно он сдастся и сожжёт её бездушное тело.

И эта гибель уж точно будет напрасной.

Ингрод улетел, и Шадра заползла в пещеру.

Изнутри логово их являло собой сеть разветвлённых тоннелей, петляющих как змеи среди корней великого огнедрева. Часть тоннелей вела вниз, ещё глубже в землю, другая — выводила к потайным камерам. Когда-то давно в каждом из них жили драконы, но теперь от них остались лишь краткие образы воспоминаний, врезанных в каменные плиты потолка и стен.

Велик был соблазн отправиться в одну из таких заброшенных камер и, устроившись, насколько позволит изломанное тело, закрыть глаза и окунуться в мир полуснов-полугрёз. Найти воспоминания тех, кто жил в этом мире задолго до Железного Рока, когда синее небо можно было увидеть с земли, не минуя толстый слой серых облаков.

Шадра ещё не забыла, каким синим было небо до Рока. Она почти поддалась соблазну навсегда спрятаться в прошлом.

Шадра миновала входную арку пещеры, в которую прошлым вечером сама врезала защитные чары. Брюхо её, исцарапанное и изваливавшееся в пыли, пекло при каждом движении. Раны засорились и начали воспаляться. Шадра физически чувствовала, как воспаление течёт по крови из ссадин глубже в тело. Она могла бы попытаться сконцентрироваться и заставить своё тело бороться с заражением. Но тогда у неё точно не останется сил на остальное.

Поэтому она не стала отдыхать. Не стала она и пытаться заглушить боль и останавливать распространение заразы в теле. Пусть тело начинает умирать. Ей хотелось бы оставить что-то детям... или Ингроду. Когда она ползла сюда в ночи, она была уверена, что у неё будет возможность запечатлеть в камне хотя бы одну мысль. Но сейчас внутри неё жили только усталость и боль. Этого ей не хотелось оставлять после себя.

В дальней камере, в самом сердце драконьего логова, она нашла кладку. Тёмно-красные, сиреневые, бордовые, бирюзовые и лазурные, они переливались во тьме точно крохотные колдовские светильники. Здесь были не только её яйца — тут сохранились окаменевшие кладки её родственниц. Все их Шадра бережно хранила долгие годы после гибели их матерей. Она оглядывала яйца, чувствуя, как бьются внутри каждого крохотные жизни. Их сны были невинны и она не смела их тревожить. Как ей хотелось увидеть однажды, как юный дракон пробивает головой кожистую оболочку яйца!

Она уже успела забыть, как выглядят новорождённые. Забыла она и звук их голосов, и их первые детские вопросы. Ей хотелось однажды увидеть, как её собственные дети расправят крылья и впервые поднимутся с земли.

Но теперь она знала, что никогда этого не увидит.

Достаточно ли теперь в её теле сил, чтобы отдать их детёнышам? Сможет ли одряхлевшая Белая Пророчица пробудить к жизни хотя бы одного из малышей? Раньше она смогла бы. Наверняка. Но как же она тогда боялась смерти!

«Я не боюсь смерти, — сказала ей сестра перед тем, как сжечь себя. — Мы все спим глубоким сном перед тем, как родиться. Сначала в лоне матери, затем — в яйце. А значит, огонь не убьёт меня, — я просто снова усну».

Раньше Шадра не верила её словам. Но за сегодняшнюю ночь, когда она поняла, что больше никогда не увидит небо, они вдруг показались ей сами собой разумеющимися.

Звёзды смотрели на него как глаза.

Взошла вторая луна, когда Ингрод наконец увидел перед собой клубящиеся пары из Дымной Расщелины. Прошло несколько часов с тех пор, как он оставил супругу у входа в пещеру.

За это время он успел убить четверых. Верещащая тощая мерцальница, которой он закусил, чтобы забить чувство голода. Кожистые крылья её Ингрод отрыгнул — они были подобны бесвкусной сухой листве и оставляли неприятное чувство в пищевode.

Потом был молодой иглоклык. Он метался в панике, когда мать и братья разбежались в стороны, заведя в небе чёрный силуэт дракона. В отличие от мерцальницы кабан почти полностью удовлетворил аппетиты Ингорода. Дракон не побрезговал даже его клыками — они хрустнули, когда он начал лакомиться поджаренной плотью. Другие хищники избегали клыков — из-за выделяемой наконечниками отравы. Для дракона яд иглоклыка был лишь сладкой приправой к ужину.

И вот теперь он волок в своих когтях двух мёртвых ночных певцов. Шадра особенно любила их мясо, и Ингрод не поленился разыскать их тайную лёжку и разорить. Этой добычи Шадре хватит на несколько дней.

Великое огнедрево приветствовало Ингорода тёмным пламенем своих плодов. Ингрод издал торжествующий клич, чтобы воздать ему свою благодарность, и спикировал вниз как орёл, падающий на добычу. Давным-давно огнелеса породили драконов, и Ингрод почитал их как родную мать.

Он не успел войти внутрь, но уже почуял запах гари. Воняло горелой плотью и серой. Это не был запах, спустившийся в огнелес с краёв Дымной Расщелины. Древний вулкан давно спал и Ингрод почувствовал бы его пробуждение задолго до того, как жить здесь стало бы опасно.

Ингрод расцепил когти и замер как пантера перед прыжком. Два мертвеца кубарем показались по склону, подпрыгивая и ударяясь о каждый встречный камешек. Наконец один из них свалился в кривую канаву, неуклюже откинув назад сломанные руки. Его собрат по смерти врезался в эти руки и тоже застыл на месте. Ингроду не было до них дела — он сосредоточенно припихивался к смраду, который сочился из входа в пещеру.

Шадра была внутри. Ингрод чуял её, но не мог достучаться до её разума. Она захлопнула ворота в тот момент, когда он отправился на охоту. Он не стал ей прекословить — лишь потребовал одно-единственное обещание.

Ингрод нашёл её в самой дальней камере их логова. Она лежала на каменном полу перед сложенным из ветвей, сучьев и пуха гнездом. Как жертва на алтаре она распластала свои широкие крылья и вытянула длинное тело. Почерневшие рога её короны и пустые глазницы с вытекшими глазами были обращены в сторону кладки. Пепел, в который она обратила свою кожу, плоть и внутренности, искрился последними всполохами.

Шадра сдержала обещание. Она не стала прятаться от боли в каменных воспоминаниях. Вместо этого она выбрала огонь.

Ингрод глядел на обугленный скелет своей супруги, не могущий ещё поверить своим глазам. По привычке он стремился нащупать сознание Шадры, отыскать её в великом потоке жизни. И всякий раз натываясь на пустоту, он мало-помалу начинал осознавать действительность.

Внезапная пустота оказалась холодной как лёд.

Безутешный, онемевший и оглохший, он просидел у останков Шадры целую ночь. Лишь когда дым начал оседать на землю и сквозь густой сумрак пещеры пробилось сияние драконьих яиц, Ингрод наконец стал возвращаться к реальности.

А затем раздался писк.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.